

Глава IX. Продолжение того же предмета: критика конституции 93 года

Существенное противоречие принципов самодержавия народа и его представительства. — Всеобщая подача голосов есть национальное самоотречение от своих прав. — Почему демократическая система — самая неустойчивая из всех. — Толпа не заинтересована в правлении. — Гипотеза народного *содержания* (*liste civile*).

Насмотревшись на то, каким несчастным опытам в деле правительств, династий, законодательства, представительства, выборов, подвергали нас наши государственные мужи, так называемые *практики*, читатель, вероятно, поуменьшит свое презрение к новаторам, окрещенным в наши дни названиями *социалистов, коммунистов, анархистов*, главная вина которых состоит в том, что они видели вещи лучше других и осмелились обнаруживать ошибки *практиков*. Правда, что предложенные этими новаторами реформы не удостоились одобрения со стороны общественного мнения; можно, пожалуй, сознаться, без всякого стыда, что реформы эти под-час не отличались характером полной осуществимости. Что ж из этого? Наука трудно строится, истина не легко дается в политике и политической экономии, как и в химии, геологии и естественной истории. Но смеют ли попрекать нас нашими утопиями эмпирики, пустозвоны, шарлатаны с их 15 или 16 конституциями, из которых ни одна не могла выдержать практического приложения, подобно тому как не выдерживает теоретического исследования; с их 15 или 16 электоральными теориями, из которых ни одна не могла удовлетворить самих их авторов? Мы попали в руки ужасных живодеров, которые обращаются с человечеством, как с собаками и лошадьми, убиваемыми ради науки целыми дюжинами в наших анатомических залах. В руках этих шарлатанов политика сделалась настоящей вивисекцией.

Конституция 1793 г. желала дать народу, в деле выборов и представительства, самые широкие, самые могучие гарантии. Что же для этого сделал законодатель 1793 г.? Он сказал себе:

Совершенно невозможно в физическом, экономическом, интеллектуальном и моральном отношениях, чтобы собрание людей, столь многочисленное, как французский народ, одновременно и само — с одной стороны, отправляло законодательную, исполнительную и судебную власть, а с другой вело промышленные и земледельческие занятия; чтобы оно управляло, рассуждало, ходатайствовало в судах, судило, исполняло, надзидало, контролировало, наказывало, сражалось, и в тоже время, чтобы занималось

производительными работами и меновыми операциями: и мы скажем, что это невозможно, хотя и желательно ради строгого принципа и демократической тенденции. Поэтому для народа является неизбежная необходимость во многих делах, даже самых важных, действовать через других, выбирать себе доверенных. Короче сказать, народ, по необходимости, должен быть представляем: представляем для издания закона, представляем для его исполнения, представляем для его истолкования, представляем для его приложения, представляем для его пересмотра; представляем в правительстве, администрации, суде; представляем в надзоре; представляем в раздаче должностей; представляем в определении расходов; представляем в обсуждении бюджета; представляем для объявления войны; представляем для заключения мира, коммерческих и союзных договоров. Только в трех вещах народ действует сам собою, лично и без представителей: в труде, налоге и военной службе. Поэтому, заключил законодатель, мы дадим народу в самых широких размерах электоральное самодержавие. Он изберет своих представителей как в исполнительную, так и в законодательную власть; это еще самое меньшее. Его права будут ясно и твердо установлены. После *провозглашения прав* и торжественного, грозного признания *самодержавия народа*, в конституции будет глава о *первичных собраниях*, другая о *законодательном корпусе*, третья об *исполнительной власти* и т. д. Так как мы должны столь же дорожить временем народа, сколько заботиться о его самодержавии, то мы предоставим постоянным избирательным собраниям, выбранным первичными собраниями, назначение исполнительных чиновников, судей и т. д., это справедливое исключение освободит народ от трудного бремени прямого самодержавия (благодаря таким исключениям исполнительная власть под конец забрала в свои руки назначение *всех должностных лиц*). Наконец для обеспечения единства народного правительства и нераздельности его верховной власти, будет устроена иерархия или субординация между различными административными центрами:

Администрация муниципальная,

Администрация дистрикта;

Администрация округа.

Все эти администрации будут поставлены под высший надзор законодательного корпуса, который определит предметы ведомства должностных лиц и правила их подчинения. А для обеспечения этого подчинения, а равно послушания различных центров приказанием высшей власти, конституция III года, очень близкая к конституции II года, учредит *комиссаров по назначению исполнительной директории*, каковые комиссары превратятся одним взмахом пера, по закону 28 плювиоза VIII года (17 Февраля 1800 г.), в *префектов*, которых мы, французы, имеем счастье иметь и до сих пор.

Но, превосходнейший законодатель, есть кое-что, о чем вы и не подумали и что опрокидывает всю вашу систему: это то, что, когда все власти будут назначены, все общественные должности распределены; когда народ будет представляем на верху, в середине, в основании; когда окружности должны будут повиноваться центру, то суверен сделается нулем. В автократии государь может удобно отделять власти, разделять функции своего правительства и вверить их выбранным от себя слугам; потому что он все-же

остается для всех их господином и при малейшем неудовольствии может отозвать их и уничтожить. Зависит это, заметьте, от того, что государь здесь — человек, которого не стушевывает никакое представительство. Но в демократии, где суверен есть коллективность, — нечто метафизическое, существующее посредством представительства, которого представители подчинены одни другим, а все вместе зависят от высшего представительства, называемого *национальным собранием* или *законодательным корпусом*, — народ, рассматриваемый как суверен, есть фикция, миф, и все церемонии, посредством которых вы заставляете его проявлять его избирательное самодержавие, ничто иное, как церемонии его отречения.

Долго ли этот простодушный суверен, такой же чурбан, как птица, посланная Юпитером царствовать над лягушками, будет служить подножкой для болтунов, которые его дурачат? Ему говорят: вотируйте все и прямо, и он вотирует. Вотируйте в две, три, четыре степени, — и он вотирует. Вотируйте некоторые, только *активные* граждане, — и он вотирует. Вотируйте, собственники с 300 фр. прямых налогов, и он вотирует. Вотируйте в пользу правительства, и он вотирует; вотируйте за оппозицию, и он вотирует. Вотируйте общинами, вотируйте департаментами, вотируйте тайной баллотировкой, — и он вотирует. Вотируйте произвольными избирательными округами, не зная друг друга, в потемках, — и он вотирует. Bravo, молодцы; вы отлично знаете свое дело и вотируете чудесно. На право, на лево; назначайте ваших муниципальных советников: правительство назначит мэров, их помощников, полицейских комиссаров, мировых судей, жандармов, префектов и подпрефектов, всех должностных лиц и сановников республики. И они повинуются. Великолепно. Марш вперед! Назначайте императора, и они кричат: *Да здравствует император!*.. Вот так народец!

Несмотря на все это, конституции 1793 г., II года и 1848 г. не могут считаться нелепее конституций 1830, 1844 и 1799 гг.; они, как я уже сказал и снова повторяю, противоречат самим себе; но они заключают в себе все элементы других и не представляются, в сущности, более нерациональными, чем остальные. Поэтому их уже слишком оклеветали. Те, которые ни во что не ставят напр., конституцию III года, осмелятся ли утверждать, что конституция VIII года, порождение 18 брюмера, была либеральнее, логичнее и вернее праву и принципам? *Кто хочет убить свою собаку, обвиняет ее в бешенстве*, пословица эта особенно справедлива относительно различных наших республиканских попыток. Дону, Сийесы и множество других с презрением отзывались, что конституция 1793 г. непрактична: но они забыли вывести причины этого явления. А конституция Сийеса разве практичнее? — Бонапарт крошит все конституции, берет направо и налево, из Робеспьера, Сийеса, Мирабо и т. д., нисколько не заботясь о логике и общественном мнении, и выкраивает свою конституцию VIII года, которая потом превращается в конституцию X года, конституцию XII года и живет 14 лет. Почему бы и конституции 93 г. не иметь подобного успеха?

Правда: республика у нас недолговечна; и я укажу на причину этого явления, чтобы раз навсегда заткнуть рот как сторонникам абсолютной власти, так и сторонникам модератизма. Сгубили республику в 1799 и 1851 гг. не пороки её конституции: эти пороки по существу своему не помешали бы ей просуществовать хотя бы один человеческий век: гибель её произошла просто потому, что низшие классы, ради которых в особенности была провозглашена республика и верховная власть которых была освящена конституцией,

очутились, по небрежности или измене законодателя, в таком положении, что не имели никакого положительного интереса в сохранении нового порядка вещей.

Честная буржуазия, питающая такой ужас к демократическому порядку, во-первых потому, что он кажется ей организованным против неё; далее, потому, что он будто бы страдает еще другим не менее важным недостатком, именно не представляет, по её мнению, никакой гарантии устойчивости, эта буржуазия по-видимому никогда не обращала внимания на ту простую вещь, что в конце концов человечество не может долго оставаться добродетельным наперекор своим собственным интересам. Хотите, чтобы граждане были всегда усердны и верны? Сделайте так, чтобы им от этого предстояло более пользы, чем вреда. Но об этом никогда не заботились наши основатели демократии. В то время как при монархической конституции король, его дом и аристократия (когда она есть, а редко бывает, чтобы её не было, потому что она постоянно видоизменяется), все имеют известные материальные выгоды, вполне гарантированные, выгоды, которые у них народ не оспаривает; при демократической конституции, при которой высшие классы всегда сумеют соблюсти свои интересы, только один народ ничего не имеет; законодатель ему ничего не назначает, ничего не оставляет, ничего не гарантирует; народ остается совсем не заинтересованным, как будто дело до него нисколько не касается. Так что самодержавный народ, посредством периодической всеобщей подачи голосов каждые 3 года или каждые 5 лет возобновляющий отречение от своих прав, как-бы в придачу к этому, наказывается еще лишением каких бы то ни было преимуществ. Он настоящий царь без владений, Иоанн Безземельный или Готье Неимущий: из всего царского великолепия и величия сохраняющий лишь титул, пустой звук: самодержавие. Это нелепо, обидно, смешно, но это так.

При монархическом устройстве государь и его семейство имеют свое содержание (*liste civile*), свои уделы, замки, домены, кроме того, от времени до времени кой-какие барыши; сенаторы, великие сановники имеют свои оклады и пенсии; буржуазия — привилегию на места всякого рода: она не брезгает никаким жалованьем, потому что от маленького можно перейти к большому. Что же демократические конституции сделали для народа? Обеспечили ли для него какую-нибудь милостыню, какую-нибудь крупницу со стола общественного богатства? В 1848 г. рабочие просили права на труд: отказано. Они смотрят теперь как на благодеяние на разрешение им делать складчины для ухода за своими больными и для призрения своих стариков. Один декрет люксембургской комиссии сделал из Тюильри Отель *инвалидов народа* : не прошло двух недель после торжества революции, как приказ Коссидьера уже выгоняет вон поселившихся в отеле. Ради республики народ терпел нищету три месяца; но после июньских дней терпение его лопнуло, и он стал кричать: *да здравствует Наполеон!* Что ему было пользы от такой демократии?

Скажут, что республика была бедна, обременена долгами, казна опустела, капиталы скрылись, биржа и собственность были парализованы. Притом же, спросят, как помочь такой нищете, как насытить такие неутолимые аппетиты? Что такое династия, аристократия, составляющая одну тысячную часть нации, в сравнении с миллионами голодных людей? Не будем же ставить в преступление демократии бессилие, присущее самому человечеству. Самодержавный народ заботится о том, чтобы государь, его избранник, и его представители жили в роскоши: он этим тщеславится и утешается в своей бедности. Он не требует для себя возможности жить Крезом или сибаритом, он знает, что

это невозможно и даже безнравственно.

Я рассмотрел бюджет 1863 года и отделил все издержки, производимые в различных министерствах под названием вспоможений, подписок, поощрений, наград, секретных расходов, пособий, вознаграждений, миссий, разъездных, *solde de nonactivité*, ремонтировки и постройки церквей, дворцов, и т. д.; к этому я прибавил содержание династии (*liste civile*), оклады, пенсии, в том числе и гражданские, составляемые посредством вычета из жалованья чиновников; кроме того урезки, которые можно сделать из содержаний, превышающих *maximum*, дозволяемый демократической щедростью; наконец все суммы, расходуемые с целью благотворительной, роскошной, почетной, праздничной, либеральной, полицейской, произвольной; и я нашел, что итог этих сумм составит до 250.000.000.

Народное производство по вычислениям современных экономистов, сторонников империи, простирается до 12 ½; миллиардов франков, следовательно 250.000.000 составляют ровно 2 % этого производства.

Я не стану, разумеется, утверждать, чтобы в указанной мною категории издержек все было излишне; даже в том отделе, который считается постыдным, именно в отделе *секретных расходов*, могут быть, надо сознаться, законные назначения. Поэтому я хочу говорить не об уничтожении этих расходов, а о замене их другими. Мы говорим о демократии, об условиях её правительства, о необходимости заинтересовать в нем простой народ, так точно, как высшие классы, король и его дом, сенаторы и министры, и все агенты королевской власти, заинтересованы в монархическом правительстве. Но так как самодержавный народ самую природою вещей осужден не иначе проявлять свою власть как посредством избранных им поверенных, царствовать и не управлять, точь в точь как конституционный король в смысле конституций 1814 и 1830 гг., то спрашивается — не заключается ли истинного средства заинтересовать этот народ тою системою, которая сделает его действительно сувереном, именно тем, чтобы присвоить ему все издержки, которые, при монархии и империи, значатся в бюджете под теми различными наименованиями, которые я перечислил.

Разумеется, я рассуждаю так исключительно в виду гипотезы, что нация пожелает вернуться к системе 1793 и 1848 гг., системе, которую я не разделяю и которую иначе, как под этим условием, не понимаю.

Итак, я утверждаю, что упомянутые мною 250.000.000 по природе своей монархического или государственного свойства, потому что они целиком тратятся на личность монарха, его династию, его двор, его высших сановников, его креатур, на солдат, которых он старается приохотить к служению своему делу, на толпу осаждающих его всякого рода просителей, на роскошь его короны, на агентов, заботящихся о безопасности его личности и т. д., поэтому такие расходы, в случае если бы демократия наследовала империи, могут быть вполне перенесены на народ, разумеется, с изменениями, требуемыми новою системою.

Напр. ясно, что так как военная служба, в случае если армия будет оставлена, обязательна для всех, то 38 или 40 миллионов пенсий по военному ведомству, за исключением пенсий за тяжкие раны, сделаются излишними, и поэтому могут быть отнесены на какую-нибудь другую статью бюджета. Очевидно также, что так как в демократии срок действительной

службы для лиц всяких профессий оканчивается с самой жизнью, за исключением доказанных случаев болезни, бессилия или дряхлости, поэтому вычеты из жалованья служащих, употреблявшие до сих пор на пенсии, могут тоже составить значительную экономию, которую можно употребить в интересе самодержавного народа. Соображения эти, представляющие очень интересный материал для критики, я оставляю, однако, в стороне, так как они не относятся собственно к моему предмету.

Итак, взяв 250 миллионов, извлеченных из нынешнего бюджета, или 2 % всего производства страны, я нахожу, что нет ничего легче, как с этой суммой составить нечто в роде *содержания* (liste civile) народа, содержания, которым пользовались бы более 500.000 избирателей. Вот как я полагал бы сделать распределение этого содержания.

Во 1-х: Условия необходимые для допущения к пользованию *содержанием народа*.

Родиться французом; иметь не менее 36 лет; быть супругом и отцом семейства; иметь свидетельство в хорошей жизни и доброй нравственности; получить достаточное образование, смотря по профессии; заниматься 15 лет действительною работою в различных категориях труда, земледелии, промышленности, мореплавании, общественных должностях и т. д., или же, за неимением этого, произвести какое либо образцовое произведение, сделать открытие, прославиться каким либо добрым делом; быть внесенным в списки национальной гвардии и отправлять в ней службу; обладать доходом не свыше 1250 фр., составляющих приблизительно цифру среднего дохода во Франции на семейство в четыре лица.

Имеющие право (titulaires) выбираются всеобщей подачей голосов во всех департаментах и пропорционально населению. Они вносятся по мере открытия вакансий в заранее составленные списки *получающих* (honoraires), выбираемых также всеобщей подачей голосов в числе одинаковом числу имеющих право.

Во 2-х: *Цифры распределения*. — Смотря по старшинству и заслугам следует установить три класса лиц, получающих содержание: 1-ый класс составляют все вписанные в оклад 400 фр., 2-й — вписанные в оклад 500 фр. и 3-ий — вписанные в оклад 600 фр.

250.000 получ. оклады по 400 фр. — 100 миллионов.

150.000 по 500» — 75»

100.000... по 600» — 60»

12.000 составляющих главный штаб и получающих оклад... от 800 до 1000 фр. 12»

Расходы по управлению 3»

250 миллионов.

512.000 имеющих право

512.000 получающих

1.024.000

Так как оклад члена, участвующего в *liste civile* народа, определяется не с целью роскоши или праздности, но единственно с целью поощрения к труду, для наименее богатых классов, то чрезвычайно важно, чтобы такие оклады, доставляя работнику значительное улучшение в средствах к жизни, оставались все-таки в пределах строгой умеренности. Важно также, чтобы имеющий право не считал себя сразу достигшим крайнего предела своей цели, так как в противном случае он, спасшись от бедности, впадет в апатию.

И вот 250 миллионами монархического бюджета мы дадим средства демократии, ободрим ее, возвысим её достоинство и в тоже время образуем на защиту республики армию с лишком в миллион человек. Неужели вы думаете, что с таким оплотом конституция III года могла бы бояться роялистов и *шуанов*, военных, *адвокатов*, *сгнивших* (*pourris*) и всех тех, кто принимал участие в брюмерском перевороте? Неужели вы думаете, что при таких условиях в 1851 г. национальное представительство было бы попрано, а конституция уничтожена?..

Но, возразят мне, ваше *содержание* народа ничто иное, как эксплуатация имущих классов неимущими. Вы создаете плебейский интерес: где же буржуазный? Неужели вы полагаете, что буржуазия будет сносить без ропота это огромное содержание в 250 миллионов? Ваши получатели и их семейства составляют не более 1/10 нации: в случае восстания одержат ли они верх над остальными 9/10, отныне не заинтересованными? Вспомните об июне 1848 г.!

Мой ответ готов и смею надеяться, что читатель найдет его неотразимым.

Устойчивость государства и правительства есть благо, которое буржуазия ценит более, чем народ, есть величайшее из всех благ. Это благо не может быть получено даром, что до настоящего времени доказывал вам опыт — именно наши 15 конституций. В настоящую же минуту эта, столь непрочная, устойчивость разве не стоит нам 250 миллионов, говоря уже только об одной категории расходов, которую я назову расходами на *королей*? Что же я делаю, как не даю лишь иное употребление этим миллионам? Свобода, безопасность, устойчивость, собственность, гарантированные ценою 250 миллионов, 2 % национального производства, в пользу работников самых бедных, самых честных, самых умных, из которых каждый, в день назначения ему оклада, считает за собою по крайней мере 15 лет действительного труда: кто осмелится найти, что это дорого?

Кроме того, буржуазия сохраняет за собою пользование своими имуществами и доходами, местами, преимуществами, званиями и почестями. Она первая извлечет выгоду из экономий, которые ей, умеющей управлять и считать, всего легче произвести в бюджете. В этом отношении она может быть уверена, что не встретит никакого династического сопротивления. С демократией, заинтересованной в поддержке республики и правительства, доставляющей на их защиту миллион вооруженных людей, нет нужды в полиции; бунтов не будет. Хотите обезопасить себя от народного восстания? Возьмите в охранители спокойствия самый народ. Кроме того, мы получим уменьшение жандармерии, неограниченную свободу сходок, ассоциаций. Известно ли, чего стоят стеснения всего

этого?.. — Рабочая демократия будет всегда менее воинственна и менее падка на приключения, чем автократия. Можно будет сразу уменьшить на 250 миллионов военный и морской бюджет, убавив только на половину постоянную армию; а если мы вовсе ее уничтожим, то — на 500 миллионов. Демократия, управляемая экономной, недоверчивой буржуазией, не боящейся более ни революций снизу, ни борьбы с инициативой короны, найдет скоро средства погасить свой долг, не прибегая к банкротству: еще 500 миллионов долой из бюджета. С меня довольно и этих замечаний. На что же, после этого, жаловаться буржуазии, ставшей республиканскою? Хотите ли серьезно вступить на путь реформ, на путь дешевизны? Для этого надо суметь предложить цену. Сначала это может показаться противоречием, но после того, что я сказал, буржуазия поймет меня.

Почему, спросят меня, не предложили вы своего прекрасного проекта в 1848 г.? — Хорошо! если вам надо это знать, то потому, что мы, мои друзья и я, — настоящие республиканцы, республиканцы строгие и с искренними убеждениями; потому что мы носим в себе социальное состояние, в котором устойчивость правительства не будет стоить ничего или почти ничего, точно так же, как циркуляция, кредит, мена и страхование; в котором трудящийся люд будет заинтересован в общественном деле единственно своим трудом; потому, что мы не хотим никакого «содержания» (*liste civile*), даже содержания народа; потому что, повинаясь конституции 1848 г., мы не принимали её унитарной и нераздельной формы; наконец потому, что мы, исключительно занятые утверждением и защитой принципа взаимности (*mutualité*), который ничто иное, как принцип федерации, против заблуждений коммунизма и правительственности (*gouvernementalisme*), и оклеветанные в наших намерениях, наших идеях, нашей политике, должны были особенно остерегаться поднимать подобными предложениями, вместе с народной алчностью, ярость буржуазии и негодование честных людей.

В своем исследовании конституций я хотел доказать цифрами, что конституция 93 года — я нарочно выбрал наиболее известную с дурной стороны — столь же применима на практике, как и всякая другая: для этого достаточно бы было суметь заинтересовать в ней трудящийся и бедный люд, присвоив ему содержание и все расходы, употребляемые на монархию. — Но вероятно ли, чтоб рабочие приняли этот подарок в 1848 или в 1793 г. Они выказали бы скорее свое великодушие. Народ любит, чтобы его представители представляли его доблестно; его регалии заключаются почти в одних идеях. Он любит царские щедроты; но добровольно он, может быть, не примет от республики ни удела, ни вспоможения, ни подарка, ни прибавок к заработку. У него тоже есть своя щекотливость, своя гордость. Что бы ни случилось, времена 1793 и 1848 годов прошли, они не вернуться и поэтому-то я могу позволить себе всю эту критику. Но, слепые и неисправимые консерваторы! помните все-таки библейский стих: *Не искушай Господа Бога твоего.*

Версия #2

Зверобой создал 15 марта 2025 05:00:58

Зверобой обновил 27 июня 2025 01:36:43